

— 2019 —

Анатомия мечты

—
Ольга
Лайтман

18+

Ольга Лайтман
Анатомия мечты

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Лайтман О.

Анатомия мечты / О. Лайтман — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-5320-9798-8

Мысль материальна, мечта воплощается в действительность, если желать ее исполнения от всего сердца. Но путь к мечте бывает наполнен сомнениями, борьбой с собственными демонами, противостоянием общепринятой морали. И когда рушится привычная жизнь, а душевная боль кажется невыносимой, герои находят точку опоры в любви и дружбе, продолжая действовать. Именно в этот момент их заветные мечты становятся реальностью. Это история жизни двух подруг, одна из которых - транссексуал, а вторая влюблена в придуманный образ Люцифера. История рождения мечты, ее пути и реализации.

ISBN 978-5-5320-9798-8

© Лайтман О., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

В оформлении обложки использована фотография автора Shootdiem «The Mosque-Madrassa of Sultan Hassan located near the Saladin Citadel in Cairo, Egypt» с <https://www.shutterstock.com>

– В оформлении обложки использована фотография с <https://pixabay.com/> по лицензии ССО

Экстериоризация – выведение некоего объекта изнутри вовне, из внутреннего пространства в реально существующую наружи среду.

В белом облаке не увидишь ни следа уродства.

Шао – шань

Часть первая

Вера

I

Сидя за столом в своей гостиной, Лира сосредоточенно выписывала гирлянды слов, будто нанизывала цветной хрусталь на тонкие солнечные лучи. Поток невысказанных чувств, войдя в сознание, приобретал форму архетипической полупоэзии, которая посвящалась лишь одному собеседнику. Дневник спасал ее от душевного одиночества, бумага принимала безропотно спрессованные в бессознательном страсти, фантазмагорию переживаний личного сумасшествия. Не каждому расскажешь о сокровенном. Страх отвержения бдительно охраняет границы откровенности, но и оставляет право на уникальность. А к одиночеству среди людей можно и привыкнуть, поговорить о секретах всегда можно с Богом. Поэтому Лира завела себе привычку писать Ему письма и начинала всегда так: «Дорогой Отец».

« Дорогой Отец! Ты дал мне сон, где черное перо, кружась, летело вниз через бездну времен, будто рассекая бытие на две половины. Я чувствовала в этом знак, Твоим замыслом было это падение. Пространство сна наполнилось светом, но скоро свет этот сжался в точку и она растворилась во тьме. Так создавалась моя судьба. Потом я увидела крупницу света в глубокой темноте. Точка приближалась без шума, разбрызгивая пылающую магму, среди которой пульсировали цветные энергии. Переплетаясь, они складывались в причудливые рисунки из блестящих нитей, как кружево, которое подобно мерцающей паутинке, свежей, легковесной, трепещущей, словно отражение летнего утра в хрустальной капле росы. Ему суждено будет соткаться безупречным и низвергнуться в пучину Вселенной, найти свое пространство и слиться с ним.

Я знаю каким пером написан узор моей жизни. Это и есть Твой замысел, недоступный моему разуму, лишь душе он понятен...»

Эти размышления прервала трель телефонного звонка. Увидев знакомый номер, Лира с рассеянной улыбкой взяла мобильник.

– Лира, дорогая, мне надоел твой поклонник и, что это за бред он несет по поводу какого – то Тициана? Что мне с ним делать, если этот неандерталец требует твой номер телефона? – капризный, чуть хриловатый голос в трубке ожидал ответа, а Лира не отрывалась от раскрытой тетради, страницы которой пестрели пасторальными цветочками и бабочками. Ее рука с карандашом застыла над этими клумбами пастельных тонов, готовая обрушиться и исцарапать его прерванными мыслями.

– Виктор, ну скажи ему, что я уехала куда – нибудь в экспедицию, совсем далеко, ...на остров Пасхи, – придумала Лира.

– Дорогая, какой остров, какой Пасхи?! – искренне возмущалась трубка. – Я не знаю причем тут Тициан, но ты напрасно динамишь этого парня. Он не вылезает из музеев и купается в нефти, а значит в деньгах! Это же мечта!

Зависшая рука Лиры упала на стол, а от карандаша отломился острый, как у копья кончик.

– Это не моя мечта, Виктор, – задумчиво ответила она.

– Знаю, знаю, ты ненавидишь когда кто – то лезет в твою личную жизнь, но я на правах твоей подруги имею права дать тебе совет...

– Он мне не нравится, – отрезала Лира. – И я не смогу полюбить его нефтяные деньги без него самого.

Трубка протяжно вздохнула.

– О, Боже, дорогая, ну причем тут любовь, я говорю тебе о жизни. Пора выбираться из своей конуры. Тебе не хочется свою яхту, самолет, дворец?

– Виктор, он не нравится мне, его манеры окультуренного самца меня раздражают, к тому же от его смокинга разило какой – то резиной.

– К черту резину, подумай обо мне, дорогая!

– Я и подумала, а что если тебе его соблазнить и выйти за него замуж? – лукаво произнесла Лира.

Трубка задумалась.

– Я могла бы, но он говорит только о тебе, говорит, что влюблен в тебя и в Тициана. Слушай, а что это за мужик?

Лира улыбнулась.

– Тициан – это живописец и ему почти пять веков. На правах твоей лучшей подруги даю совет, – купи светло – рыжий парик, как мои волосы, одень что – нибудь романтическое и назначь ему встречу, вдруг он влюбится в тебя.

– Неплохая мысль, пожалуй я рискну! – повеселела трубка.

Она отключила мобильник и уставилась на цветочные страницы, пытаясь сосредоточиться и заново поймать уплывшую мысль. Потом рассеянно вывела на нежно – розовой магнолии сверху дату и переключилась на лежавшую рядом книгу. Мысль не хотела возвращаться, а только махала из преддверья бессознательного кончиком лисьего хвоста, и лучшим средством было выманить ее с помощью чужих мыслей. Томик Гейне годился для этого как нельзя лучше.

– Господин Гейне, скажите мне свое волшебное слово! – обратилась Лира к портрету поэта и открыла наугад книжку.

Господин Гейне ответил ей четверостишием:

О, пусть не без утех земных

Жизнь твоя протекает!

И если ты стрел не боишься ничьих,

Пускай – кто хочет – стреляет.

Лира удивленно подняла медовые брови.

– Неужели ты, романтик, брат Новалиса, советуешь мне играть в пошлые игры, и засыпать золой свет моего сердца, и избрать рациональные доводы разума, или советы моей ветреной подруги Виктора, алчущего золота и роскоши? Помилосердствуй! Я и так счастлива тем, что могу делать все, что мне в голову взбредет! А если ты по – поводу моих кавалеров, так они доставляют мне массу хлопот, особенно эти любители живописи. Я не Мария Магдалена! А когда пытаюсь быть корректной, выходит еще хуже. Некоторые принимают такое поведение за

застенчивость или за игру, и настойчиво продолжают долбить мозг звонками. Нет ничего хуже назойливых ухажеров с самомнением Креза!

Потом она еще раз открыла потрепанную книжку и наткнулась на маленькую открытку с изображением врубелевского демона. В ее расширившихся зрачках отразился загадочный образ отверженного. На миг закрыв глаза, она попала в пьянящий водоворот карамельного сладострастия, но вдруг осеклась, и словно очнувшись, почувствовала как кровь отливает от запылавшего лица. Дальше Лира написала одно только слово «Trieb». Этих слов было множество, одно и то же «Trieb» появлялось довольно часто в последние месяцы. Может это было связано с наступлением лета, может быть ее природа начинала подчиняться законам нелюбимого ею Фрейда, причина не важна. Значима была только картина, точнее образ, написанный словно торопливой рукой, воздушно – каменный лик. К нему и относилось древнее и глубокое «Trieb». Рука привычно вывела еще раз это протяжное, глухое и терпкое на вкус слово, не в силах оторваться от изображения, она вбирала загадочный облик душой, все глубже погружаясь в купель своей тайной страсти. Прежняя мысль уже забылась, или превратилась в картину иного свойства после соприкосновения с чувством необычайной силы, которую Лира носила в себе, как запечатанную тайну, свою бесконечную и трогательную любовь человеческого существа к великой тени библейского Бога. Портреты этого создания попадались ей обычно пугающе – отвратительными и мрачными. Лира находила, что это неправильно и видела в них только историю развития человеческого сознания, не более того. Ее любовь подсказывала ей, что в изображениях парнокопытных уродцев, человек выплескивал страх перед собственной тенью, Великим Черным Демоном, пытаясь отгородиться от своей тварной сути, от бессилия перед инстинктом, и тем самым польстить жестокой эпохе и успокоить совесть. В рогатых козлоподобных существах отражалось лишь невежество, которое и порождало истинное, зло изобретенное сознанием – фашизм во всех его проявлениях, искаженную добродетель, которая пряталась за святыми именами, да благими намерениями.

Сначала Лира негодовала, просматривая сотни гравюр, рисунков и живописных полотен, пока не наткнулась на произведения мастера Доре, а после ее сердце успокоилось на полотне Врубеля. Она приобрела постер “Демона сидящего” и сделала из него довольно большую картину, которую и повесила у себя в спальне напротив кровати, над изголовьем у нее призрачно белело распятие, тонкий продолговатый крест, вырезанный из слоновой кости. Лира часто молилась перед ним, а в спину ей глядели темные задумчивые глаза Демона.

Лежа в кровати без сна, она иногда дергала шнурок ночной лампы и, с нежностью, и щемящим восторгом, мечтала, глядя на картину, окутанную романтическим полумраком. Облик Люцифера она додумала сама, часто погружаясь в свои фантазии, мысленно выписывала собственное полотно.

“ Каков запах его волос? Какие они, мягкие, как шелк или атласным каскадом спускаются вдоль спины? Его тело – совершенство, а черты лица неописуемо красивы. Что увидит душа, если заглянет в его глаза и каков их цвет? У Люцифера должны быть особенные глаза, к черным волосам нужен контраст, либо темно – серые, либо синие. Да, скорее синие, как летнее ночное небо и в них отражаются звезды”.

Лира, как одна из вымирающего племени романтиков, грезилась о своей мечте, любила ее тайно и лелейно, тосковала по той картине, которую нарисовало ее воображение, а воображению лишь страстное сердце могло подкладывать волшебные кисти и краски, но кто сообщал это сердцу?

Ли́ра верила и благодарила Творца за столь неожиданное и странное чувство, но все же иногда сомнения терзали ей душу. И лишь в своих молитвах она просила Бога помочь ей разобраться в себе и примирить вечно враждующие легионы мыслей и чувств.

“ Дорогой Отец, я люблю Тебя и дар Твой непостижим пока для моей души. Как мне понять, что это истина и я не схожу с ума! Почему я не могу верить в правдивость своих чувств? Как мне перешагнуть тот барьер, который отделяет Твою правду от моих грез, Твою волю от моих сомнений? Ты, Всеблагий даровал мне эту странную любовь и ни о ком другом так не тоскует мое сердце.”

Когда Ли́ра носила еще плиссированные юбочки и широкие банты, ей встрети́лась цыганка. Из шумной стайки школьниц, спешащих в кафе, она выбрала почему – то ее. И Ли́ра, повинувшись гипнотическому взгляду черных бесоватых глаз, послушно протянула руку. Цыганка смогла увидеть путь, но суть Замысла и причина были от нее скрыты.

– Благодать Божья на тебе, деточка. Будешь счастливой, и будет любовь большая. Но жизнь твоя не долгая, из-за любви погибнешь.

Подружки, плотно обступили гадалку и слушали раскрыв рты, пока кто – то самый бойкий не спросил о той самой любви.

– Кто же станет избранник твой? – цыганка пристальнее стала вглядываться в испещренную тонкими линиями ладонь. – Все скажу, все. На руке вся судьба написана, как на карте, – приговаривала она, хмуря широкие брови.

Ли́ра с изумлением и мелким страхом взирала на гадалку, а она то приближала, то отстраняла ее узкую ладонь, пока цыганские глаза не округлились и отбросив руку, она часто закрестилась, забормотала что – то на своем языке..

– Не надо денег! – крикнула она и быстро пошла прочь.

Ли́ра помнила этот эпизод и по сей день. Тогда внезапный побег гадалки испугал ее, да и теперь она не слишком верила предсказанью. Однако чувствовала смутно, что в чем – то цыганка была права.

II

Тяжелый гул шагов удалялся в сгущающийся мрак. Она не видела лица, только силуэт со спины, который растворился в чугунном отзвуке эха. Тогда страх смерти впивался в ее сердце, уши закладывало от понимания неотвратимого конца. Ли́ра всегда тяжело отходила от этого сна. Она долго молилась, укрывшись с головой одеялом. Потом сердце ее успокаивалось и вновь наполнялось светом. Страх, пережитый во сне, исчезал. Приходила все та же безмятежность, все та же любовь. «Светоносный», – шептала она закрыв ладонями лицо, улыбаясь счастливо. В этот момент душа ее возносилась в чистые сферы и сладостный восторг охватывал все ее существо. «Я понимаю почему так!» – шептала она и из закрытых глаз катились хрустальные слезы. Никто и никогда не видел этих слез, ее молитвы были слышны только Иному миру, ее чувства были так искренне горячи, что достигли Престола Его. И Он, Непостижимый и Предвечный, легким эфиром касался ее души, которая наполнялась благодатью и тем живым теплом, которое отличает ангельское детство от беспокойной молодости или осеннего покоя средних лет. В эти моменты, Ли́ра любила все вокруг, забывая о страшном сне, он становился просто иллюзией, как и вся мирская жизнь. И проснувшись со счастьем в душе она начинала день, самый, что ни на есть обычный, но для нее неповторимый. Ли́ра с легким сердцем спешила на работу, где ее ждали пожелтевшие фолианты старинных манускриптов,

которые необходимо было перевести. Кропотливый, требующий усидчивости труд, не был в тягость. Ей нравилось погружаться в иную действительность, и часто все эти гримуары и старые древненемецкие сказки с заклинаниями, загоняли ее мысли в русло сухого скептицизма. Лира умела отгораживаться от прочитанной информации, которая все же вызывала у нее приступы черного юмора.

Однажды она переводила с латыни одну ветхую книжицу, страницы которой приходилось осторожно переворачивать пинцетом, а лицо закрывать маской. В той книжке один сумасшедший саксонец тщательнейшим образом описал ритуалы вызова духов четырех стихий да еще, якобы, заставил их служить себе. «Чего он надышался и каких грибов наелся, чтобы выдумать все эти манипуляции?» – вздыхала Лира, когда переписывала очередную порцию ингредиентов. Ей уже попадались подобные поваренные книги, где какой –нибудь монах, устав от молитв и однообразной жизни, замечтавшись о вселенском могуществе, баловался колдовством, вызывал демонов, беседовал с ними, а потом записывал всю эту ахинею на пергамент. Подобные записки сумасшедших имели большую ценность среди коллекционеров и библиотек, Лира же считала их доказательством того, что в средние века добрая половина монастырского населения, да и человечества вообще имела общий диагноз – шизофрения с бредом величия, маниакальный психоз и белую горячку. Однако переводы она делала прекрасно, тексты сдавала вовремя, за что и была любима шефом.

III

Лира пришла домой поздно. Внутри таилось противное чувство, которому она дала определение – досада. Оно было похоже на маленькую медицинскую склянку, из которой по пол – капли сочился прозрачный яд, и Лира травила им свою душу. Сегодня на работе случилась вечеринка по – поводу приобретения библиотекой парочки новых пыльных манускриптов. Ее шеф, Филипп Фрайберг пришел с супругой, а его секретарша Мадлен притащила своего бойфренда, и опорожнив бутылку шампанского, томно ворковала с ним, прищуривая змеиные глаза. И те, немногие избранные приглашенные были почему – то парами. Лиру поначалу не смущало это, но после нескольких бокалов она стала замечать на себе сочувствующие взгляды, и ей делалось неудобно, как если бы на великосветском приеме с нее внезапно упало платье. Потом парное общество не сговариваясь, исторгло ее из своего круга. И тогда она решила выпить и рассказать свои впечатления закадычной подруге Виктору.

Они пили виски в гостиной у Леры. Виктор, выслушивая ее излияния крутил в задумчивости на пальце свою новую золотую цепочку. Кулончик в виде буквы L, позвякивал прицепленным к нему колокольчиком и Лире казалось, что глазами она следит не за манипуляциями Виктора, а за тоненьким звуком, который наносил точечные уколы в ее мозг. Бутылка стояла наполовину пустой, это по выражению Виктора была “самая философская доза”.

– Ты когда –нибудь любил виртуально, но так, что думал, будто это и есть самая настоящая любовь? – спрашивала Лира философски опьяневшего друга.

Он закатил глаза, а потом сделал лицо актрисы немого кино перед последним в жизни интервью.

– О, когда мне было 13 лет, я влюбился в Шер, а потом, когда я увидел Джорджа Майкла...! Но я всегда понимал, что это боги, которым я никогда не смогу облобызать кончики одежд... – на патетической ноте закончил он, осушил свой бокал и неопределенно махнул рукой.

– Потом, ну, ты помнишь, я влюбился в Кенни, но это было так, увлечение...

Ли́ра помнила Кенни, высокого очкастого ботаника, золотого мальчика из Йеля, милого и обаятельного, но слишком уж скромного и свой немой вопрос “Виктор, что ты в нем нашел, кроме престарелой мамы – миллионерши?”

– Потом мы прожили немного с Джимом... – мечтательно продолжал Виктор.

Семейную идиллию этого жития портило увлечение Джима скачками, но Виктору или Виктории удалось таки выжать из этого лошадиного пара драгоценных колец.

– А Уильям вообще оказался скотиной, я потратила на него лучшие два года моей жизни! – вдруг оживился Виктор.

Ли́ра хорошо помнила эксцентричного красавчика Вилли. Виктору тогда действительно приходилось несладко, так как Уильям, несмотря на свою брутальную внешность, частенько устраивал женские истерики и кидался предметами. Виктор в ответ тоже устраивал истерики и кидался предметами. В конце концов Уильяму стало жаль свой оставшийся в живых антиквариат и они разошлись, а Виктор компенсировал потраченные нервы и годы новой спортивной машиной, которую буквально выплакал у Вилли при разводе.

– А еще... – продолжил было Виктор, но Ли́ра прервала его.

– Я прекрасно помню всех твоих тех и этих, я не о том тебя спросила. Ты когда – нибудь верил, что твоя виртуальная любовь может быть именно той настоящей, которая бывает раз в жизни?

Виктор округлил глаза.

– Ты сумасшедшая, как это виртуальное может стать настоящим?

Он закурил, а Ли́ра наткнулась в себе на чувство безысходности и одиночества, которое сразу же было залито новой порцией виски.

– Нет, я наверное не совсем понятно выразилась или некорректно. Вот послушай, ведь религия учит нас любить Бога, но ведь кроме Моисея, Его тоже никогда никто не видел, но миллиарды людей могут поклясться, что Он есть, потому что они чувствуют нечто, что дает им право так утверждать. Получается, что это тоже виртуальная любовь и она может быть не просто настоящая, а самая что ни на есть истинная.

Виктор задумчиво накручивал на палец уже прядь своих волос и прикрыв веки, как в полусне согласно кивал.

– Когда любовь настоящая, то человек живет с ощущением полета в душе. То же самое испытывает верующий после искренней молитвы. Значит, если виртуальная любовь приносит чувство радости и полета, тогда ее тоже можно назвать истинной, – подытожила Ли́ра.

Виктор торопливо вздохнул.

– Может ты и права. Но вера... – задумчиво произнес он. – Я всегда считал себя верующим, но никогда не задумывался о том, как я верю или во что, или в кого... Просто когда мне задавали вопрос “Веришь ли ты в Бога?”, я сразу отвечал “Да”. Но так ли эта вера истинна для меня? Теперь мне кажется, что на самом деле я никого никогда не любил в своей жизни.

Ли́ра плеснула ему и себе немного виски, и Виктор одним глотком выпил его.

– Знаешь почему я не люблю пить? – внезапно спросил он. – Потому что когда я пьян, то возникает такое ощущение, будто я смотрю на свою жизнь откуда – то с высоты, а она разложена внизу на большом серебряном подносе и там видно все, все, даже самые пикантные и незначительные моменты. Я гляжу на это шاپито и чувствую одну только скуку. Это не жизнь, а какое – то месиво в цветных перьях! Ты понимаешь меня?

Ли́ра тряхнула головой в знак согласия так, что прядь ее волос упала в стакан с виски.

– Я могу выпить только с тобой, – продолжал Виктор начиная делать тревожные паузы. – Потому что считаю тебя самым близким другом, но не это главное.

Он подлил еще себе и Лире.

– Главная причина, которая делает нас почти близнецами – это болезнь, мы страдаем одинаковым недугом, дорогая.

Лира внимательно слушала и на ее лице отразился немой вопрос.

– Наша болезнь это одиночество, ведь как ни крути, а мы отличаемся от обычных людей. Разве ты никогда этого не замечала? Я транссексуал, а ты никак не можешь найти своего идеального мужика. Меня общество еще терпит, а тебе приходится нелегко.

Философская стадия грозила медленно превратиться в следующую – трагическую.

– Кто сделал нас такими, какие мы есть? Бог, родители или мы сами? – Виктор усмехнулся горько. – Я, как кошка, которая вечно живет в марте.

Он загрустил и Лире казалось, что в его длинных опущенных ресницах, в несколько поломанной позе, в манере шевелить бокалом и держать длинную ароматную сигарету не было фальши. Иногда он играл, но и эта игра являлась частью его слишком эмоциональной природы, смертельно раненой души, которую он и пытался сохранить, порой, за весьма экспрессивным фасадом.

– Если слишком много думать, можно сойти с ума, – продолжал Виктор. – Поэтому большая половина людей предпочитает кошачью, а лучше скотскую жизнь и вполне довольна этим.

– Грустно от этого, – сказала Лира.

– Да, но лучше не думать, – закончил Виктор. – Может быть когда –нибудь я смогу полететь, пусть даже виртуально.

– Может Бог еще сделает для тебя подарок, – произнесла Лира, обняв погрузневшую подружку. – Ты очень красивая женщина, Виктория, и что бы ни случилось, будь тем, кто ты есть.

– Можно я останусь сегодня у тебя? – сквозь слезы промяукала Виктория.

– Конечно. И зачем спрашивать, ты можешь жить у меня сколько захочешь.

Лира всегда радовалась когда Виктория или Виктор подолгу задерживался у нее. Он приходил когда болел, полный отчаяния и депрессивных мыслей, когда заканчивался его очередной неудачный роман, и Лира, как могла, старалась залатать его разбитое сердце, когда какая –нибудь киношная мелодрама бередила его чувствительную натуру и повергала в бездну одиночества. В такие периоды они подолгу разговаривали, а потом, Виктория, укрытая одеялом, после согревающего травяного чая жалобно просила почитать ей книжку. Лира перепробовала всевозможных авторов, но привести в норму расшатанные нервы подружки неизменно помогал Дюма или «Баллада о доблестном рыцаре Айвенго» Вальтера Скотта. Все остальное наводило на нее скуку, или повергало в еще более мрачное состояние. Поэтому Лира, как образцовая мать, садилась на край кровати возле своего почти двухметрового ребенка и терпеливо, с выражением, читала этому хрупкому созданию одни и те же книжки.

Через несколько дней Виктория оживала и тащила Лиру в их любимую кофейню с чудесными красивыми пирожными, которые было жалко есть. Потом она могла загулять на всю ночь в клубе, а утром привести с собой прекрасного незнакомца. Случалось, что Лира плелась с работы с гудевшей головой, и уже издали замечала припаркованные в беспорядке машины. Это был верный признак присутствия дома веселой компании подружек Виктории. Лира ускоряла шаг, и уже выпрыгнув из лифта на седьмом этаже, тихонько подходила к двери своей

квартиры, откуда доносились музыка и смех. Она немного медлила прежде чем нажать кнопку звонка, нарочно сдерживая волнительное нетерпение, словно перед прыжком в кроличью нору, где ее ожидала Страна Чудес с фейерверком эмоций и морем теплоты, которое дарили ей эти дивные необычные женщины.

Подружки Виктории любили ее, учили краситься и одеваться, все время причитали как несносно Лира выглядит в своих джинсах и майках. Лира до боли в животе смеялась их скабрезным и не злым шуткам по – поводу ее монастырского образа жизни, ей приятны были их попытки сделать из нее истинную Леди и королеву красоты, которые проводились всегда громко. С завидной активностью в выборе подходящего для Леры туалета, они мгновенно умудрялись сделать в квартире фантастический бардак. Но потом, когда ее внешний вид был выше всех похвал, вся эта гомонящая и яркая толпа сбивалась в единую пеструю лавину и тащила Леру в клуб. А на утро они с Викторией еле волокли ноги домой. Виктория падала на кровать, а Лира с кружкой кофе в одной руке и увесистой сумкой в другой, бежала на работу. Там она обычно запиралась в кабинете и спала на столе, подложив под голову куртку. Но несмотря на бессонные ночи и полный свинарик, который царил дома, она чувствовала себя счастливой и легкой.

Дом затих, Виктор блаженно посапывал на диване в гостиной, а Лира лежала в темноте без сна, мысленно копаясь в своем прошлом. Виски не принесло желанного забытья, а лишь усугубило ощущение провала в бессмысленность собственной жизни. “Может быть Господь уже посылал мне любовь, а я не заметила ее? Но можно ли не заметить солнце?” – думала Лира. Она перебирала воспоминания одно за другим, раскладывая их перед собственной душой, словно открытки, цветные и черно – белые, яркие или поблекшие от времени, и не одна из картинок не тревожила ей сердце. Душа спокойно взирала на лица и события, но без трепета и сожалений, когда перед ней представляли все джентльмены, которые встречались на ее пути. Их внимание, а порой и настойчивость служили лишь лейкой для ее самолюбия. Но никого из них не любило ее сердце, вспыхивала иногда короткая страсть, как напоминание о принадлежности к миру животных. А потом, когда все проходило, неизменно всплывал один вопрос “Зачем?”, и этот вопрос был наполнен больше удивлением, чем пустотой. Через всех этих мужчин Бог будто испытывал ее, или давал ей выбор или шанс, и все эти не сложившиеся и не начавшиеся отношения составляли ее жизнь в прошлом, которое поблекло перед жизнью в настоящем. Но и за прошлое Лира искренне благодарила Бога сейчас, пока это чувство не возросло, потому что ее мысли вошли в другое русло. Рассвет для нее начался с черно – белых гравюр мастера Доре.

“Дорогой Отец, Создатель, единство с Тобой я ощущаю сейчас, когда в сердце моем Ты возжег звуки бессмертной поэзии! Об этом знали только Великий Тициан и божественный Иоганн Бах, это была их неосознанная тайна, а Ты дал мне возможность осознать ее! Я родилась вновь и только тогда смогла увидеть какой яркий и прекрасный мир выстроил Ты одним дыханием Твоим! И дыхание Твое я чувствую в сердце, ибо наполнено оно счастьем выше понимания человеческого, потому что в нем есть любовь. Всей душой, всем существом своим я люблю Светоносного сына Твоего и чувствую, что эта любовь и есть та самая истина, что выстилает дорогу к Твоим пределам! Только через эту вспышку моя душа раскрылась пред Твоей волей, перед силой Твоей Любви. Это ли не благодать, которую, Ты Господь наш даруешь нам как бесценное сокровище и отвергать его – значит приговорить свою душу на вечное проклятие. Я люблю Тебя, Благодать Дарующий, как и люблю Светоносного сына Твоего Люцифера!”

Эту запись в своей цветистой тетради Лира сделала достаточно давно и с тех пор решила жить так, как велит ей сердце. Она продолжала любить и была ведома этим чувством. Все

стало даваться ей легко и разные мелкие неудачи больше не касались струн ее души. Полюбив, она ощутила бесконечность времени и зыбкую красоту Замысла, и проникнув по другую сторону бытия, забыла суетность, а понятия добра и зла слились воедино. И Лира благодарила Всевышнего за каждый прожитый и еще не пришедший день, благодать одела ее душу тончайшим покрывалом тайного великолепия и парящей восторженности. Это ощущалось как отрешенность счастливого и полного жизни человека. В пространстве ее души противоположности образа Люцифера слились в единое понятие, сознание очеловечило его, наделив красотой и божественной мудростью сердца. И не казался больше странным тот парадокс, что приняв в душу невозможное, любовь к прекраснейшему из херувимов, первому среди детей Его, она стала ближе к Творцу.

Но не всегда в душе ее царили покой и благодать, и сердце подпевало сомну ангельских голосов. Существовать в одном из миров постоянно и отдалиться от бытия земного, оказывалось невозможным, порой внешняя реальность, в которой пребывала Лира в данной ей жизни, заявляла о себе весьма жестоко. Бывали моменты и ситуации, после которых ее безмятежную мечтательность начинало подтачивать уныние и боль. Вид гуляющих в парке влюбленных, бегающие на лужайке дети, болтовня сослуживцах о своих романах и сплетни легкомысленной подружки Виктории о ее ночных похождениях, иногда больно кололи ей сердце. Лира не могла поделиться в ответ собственной историей, поэтому стала просто слушателем и жилеткой, в которую могли поплакать и Жаклин, и Виктория и подружки Виктории, и даже ученый муж Филипп Фрайберг, босс Леры. Она будто заземлялась, меняя угол зрения в обыденность, и после подобных разговоров задумывалась о будущем, которое рисовалось в довольно мрачном свете.

Вечерами Лира оставалась наедине с собой и дремотный теплый покой ее дома больше не ощущался, как спокойное и защищающее место, каким был всегда. Привычная тишина оглушала, песочные стены напоминали ей пещерную келью, заполненную книгами, вещами, картинами, мебелью. И эти милые сердцу предметы мертвели, становились бессмысленными и ненужными. Ей казалось, будто пространство комнат темнело, и в этом пространстве растворялись ее мечты, обнажая гнетущую тишину одинокого бытия.

Тогда Лира опять оглядывалась назад, пытаясь зацепить в прошлом хоть какое –нибудь событие, которое всколыхнуло бы ее душу, как любовь к Люциферу, чтобы сожалеть о нем, но все же осознать его реальность, и быть может вернуть или попытаться повторить в настоящем. Но это не помогало. Там не было ничего настолько грандиозного и значительного, в сравнении с настоящими переживаниями. Прошлое стало олицетворением гладкой прямой дороги, где чувства от ее триумфа, радости или неудачи, казались лишь тенями в сравнении с этим сочным величием переживаний, какие пришли к ней сейчас. И от осознания сего факта ей становилось страшно, страшно от противоречия между суетным видимым миром и ее внутренней жизнью, от невозможности соединить в сознании логику Божественную и земную, понятие и чувство, преходящее и вечность.

Так проходили дни, а иногда и недели отчаяния и болезненных попыток понять, а более всего поверить в реальность своего великого чувства и принять его снова, как волю Создателя, не анализируя, без желания подогнать любовь в понятную и знакомую форму.

Ей приходилось переживать все в одиночку, поэтому она завела дневник с теми милыми пасторальными рисунками и нежными цветами на светло – фиолетовом фоне, куда и выплес-

кивала все свои страсти, сомнения и восторги, свою боль и напряженность душевной жизни, благодарность Всевышнему за данное ей благо.

“Дорогой Отец, маятник опять качнулся в другую сторону. Господи, что мне сделать, как остановить его? Почему после такого солнечного счастья, будто некий тумблер щелкает у меня внутри, и я погружаюсь в черное ничто. Мой собственный Ад берет надо мной верх, и душа сворачивается и трепещет от страха перед жизнью. Этот страх имеет своего предтечу, свою первопричину, которая сидит внутри как болезнетворный микроб, и лишь замирает на время, чтобы при благоприятных условиях снова ожить, начать развиваться и впрыскивать в мозг и в сердце свой яд? Как мне уничтожить ее, избавиться от этой бактерии навсегда? Что сделать? Прошу Тебя, Господи, помоги, избавь от нее, научи как быть? Мое единственное желание – победить это в себе, и с любовью к Тебе принять любое будущее, даже отсутствие его.”

В этот раз Лира долго молилась с какой – то исступленной яростной одержимостью, просила Всевышнего о помощи разрешить ее внутренний конфликт, примирить ее с самой собой. Постепенно буря внутри улеглась, страхи рассеялись, душа медленно отходила от долгой и тяжелой болезни, словно Лира несколько месяцев провела в полусознательном бреде. Снова вернулось то чистое ощущение благодати, ощущение по – детски открытых глаз, какое и было свойственно ее натуре. Но все равно что – то незаметно изменилось. В ее серых глазах вместо грусти появилась мягкость и пока еще едва уловимый блеск мудрой радости. Она посвежела, светлая кожа ее лица приобрела нежный фарфоровый оттенок. Лира выздоровела и часто в течение дня за работой мысленно благодарила Бога и за болезнь, и за излечение, и за ниспосланную ей благодать. И немного позже, когда душа ее окрепла, а впечатления от пережитого отошли в разряд воспоминаний, ей приснился один из тех снов, где видения оборачиваются иной реальностью, ярким незабываемым путешествием не в глубь бессознательного, а в некую параллельную Вселенную, где свет и предметы оживают, а привычное становится неузнаваемым.

В том сне предутренняя дымка таяла в розоватом перламутре восходящего солнца, а под ней синела зеркальная гладь тихого озера, которое расположилось у подножия пирамидальных гор. Небо стало почти багряным, раскаленный красный диск солнца поднимался над горизонтом, окрашивая горы в слепящий золотой цвет. Она прикрыла глаза рукой, продолжая наблюдать восход. Потом услышала голос, низкий и тяжелый, он говорил что– то на незнакомом языке. Она не понимала слов, но звуки речи зачаровывали ее, словно неземной музыкой, неслыханной прежде. Лира чувствовала любовь и трепет, а сердце угадывало присутствие горячо любимого существа.

Их первое свидание состоялось на заре, пусть во сне, но слишком особенном и реальном. Этот сон повторится еще не раз, он станет для нее вестником проявленных чудес, чтобы расширить ее сознание, окончательно стереть границы человеческой логики, и остановить маятник.

IV

Наступил конец июня, а для Леры только начинался период чудес. После волшебного сна с золотыми горами к ней вернулось прежнее умиротворение, в котором, однако, она прожила недолго. Воинствующий разум опять ухватился за чью – то нечаянно брошенную фразу, после которой радужное настроение поблекло, а к сердцу подступил холод. Лира загрустила снова, а прекрасный сон истолковала себе при помощи нелюбимого ею Фрейда. Это, якобы,

просто фантазия, желание ее бессознательного, которое и спроецировалось в такую яркую и необычную картинку, и из своей серой и одинаковой реальности сбегает она от одиночества в эти красивые мечты. Лиру совсем одолел пессимизм. Собственная жизнь опять увиделась убогой и однообразной, а про будущее и думать было страшно. От глубокой депрессии ее спас шеф, который навязал ей просьбу своего коллеги из университета подготовить курс лекций по философии Ницше.

Лира согласилась, но потом поняла, почему шеф выбрал именно ее: не по той причине, что она действительно любит и знает Ницше, но потому, что Лира живет в монастыре. Эта мысль добавила к ее тоскливому настроению еще порцию горечи.

Скоро ей позвонил запропавший Виктор, точнее Виктория и пригласила на верховую прогулку. Лира приняла приглашение, надеясь этим развеять депрессивные мысли.

На следующее утро они встретились в кафе. Виктория одетая для верховой прогулки с видом принцессы крови, нервно взбивала ложечкой остывший кофе. По каменному выражению ее лица, Лира догадалась, что подруга напала на очередную золотую жилу, которая, однако, причиняет ей большой душевный дискомфорт. Так все и оказалось.

Нового поклонника Виктории звали Ролли. Он был владельцем большого ранчо в Монтане, любил живопись, имел дома огромную коллекцию антиквариата, собственную картинную галерею и небольшой зоопарк. Он влюбился в Викторию с первого взгляда, а Виктория на вопрос, нравится ли ей краснощекий толстячок Ролли, пожимала плечами и демонстрировала великолепный браслет – переплетение прозрачных бриллиантов с нитями каплеобразных розовых жемчужин. Лире было совершенно ясно, что ее ветреную подругу еще только не тошнит от Ролли. Викторию прельщало то, что стояло за ним – огромное состояние и три брошенных жены, которым он выплачивал неплохое выходное пособие и учил их отпрысков. Самого Ролли Господь создал неспособным иметь детей.

– Я немного потусуюсь с ним, выйду за него замуж, а потом объявлю ему вендетту, – заговорщицки шептала Виктория. – Он даст мне развод, и вот, пентхауз и пособие по безработице у меня в кармане. Куплю домик на Мальдивах, тогда и начнется самая настоящая жизнь!

Лиру всегда немного пугала такая целеустремленность подруги.

– Ты собираешься ободрать его как липку! А если этот фермер на самом деле любит тебя? Виктория только фыркнула.

– Ничего, перенес трех жен, перенесет и меня! Это шанс, понимаешь, дорогая, счастливый билет, который возможно выпадает раз в жизни, и я этот шанс упустить не хочу.

– Он знает кто ты?

– Да, и его это устраивает.

Бедный влюбленный Ролли прислал за ними лимузин, встретил чуть ли не с оркестром, трогательно обнимал Викторию за талию, мило беседовал с Лирой об искусстве и философии. Ролли понравился ей, его искренняя радость при виде Виктории подкупала. Он был намного старше ее, но с детским восторгом заглядывал в залитое холодной улыбкой лицо “миллой Тори”, заглядывал снизу вверх. Виктория была выше его на голову, держалась как снежная королева и старалась избегать его собачьих глаз. Лире было жаль Ролли и жаль Викторию, она никогда не понимала ее животную страсть к чужой роскоши, а Виктория никогда не понимала страсть Лир к одиночеству, но их и роднила еще и эта противоположность.

На ипподроме Лира немного отстала от парочки, разглядывая конюшни, лошадей, несуетные движения служащих, маленьких жокеев, красивых величественных рысаков, которые,

казалось, были поглощены самолюбованием, не обращая никакого внимания на своих наездников и окружающий мир.

Ли́ра не раз бывала здесь, но особенно ее привлекали сами животные, так сказать, атмосфера конюшни. Она даже задумывалась над тем, чтобы поменять работу, оторваться от своих манускриптов и средневековой пыли полуистлевших книг, поменять камennую тишину музейной библиотеки на это живое пространство, ухаживать за лошадьми, целые дни проводить на свежем воздухе среди уверенных, простых и сильных людей, которые быть может никогда не задумывались о религиозных противоречиях, никогда не стояли в эпицентре скандалов бездушного разума и разумной души, никогда не искали смысла жизни, а просто знали его с рождения. Ли́ра встречала категорию таких счастливиц, и искренне восхищалась их умением всегда находить правильный выбор, легко и без страха идти к своей цели, и жить без этих изматывающих внутренних войн между собственным раем и адом. Этот мир был манящим и прекрасным, но на поверку оказывался бесконечно чужим ей. “Возможно, это и есть те, кто унаследует землю?”, – так думала Ли́ра, вспоминая открытые лица и тепло улыбок. От этих людей исходила жизненная сила, спокойная радость окутывала их бытие, и этим манила ступить под сень такой благодати, и сулила обманчивую надежду влиться в то благословенное общество, чтобы стать такой же умиротворенной, мудрой, точно знать свое место в мире, без призрачных мечтаний и ожесточенных споров между разумом и сердцем. Ли́ра всегда с оттенком светлой грусти взирала со стороны на их священный круг, а попадая в него, чувствовала себя изгоем.

Она неспешно гуляла между конюшен, загорелые молодые грумы кивали ей, а она улыбалась им в ответ. В этот раз окружающее пространство со своими запахами, звуками, пульсацией здоровой и плавной энергии, вселили в ее душу тишину и отрешенность. Она завернула за двухэтажное белое здание ветеринарной лечебницы, и наткнулась на небольшую рощицу, где старые яблони росли вместе с молодыми каштанами. Поддавшись очарованию рощицы, или повинувшись голосу своего сердца, Ли́ра перешагнула невидимую завесу, ступив в прохладную прелесть маленького леса. Казалось, что деревья приветливо машут ей листвой, а их ласковый шепот поет колыбельную ее страхам и печали. Солнечные лучи, стрелами пробивающиеся сквозь темные кроны, касались лица, скользили через ее тело, отогревая душу, и отпускали ей неверие в свою мечту. Ли́ра медленно углублялась в чащу, ступая по узкой тропинке, которая была посыпана белыми камешками. И камешки эти искрились как свежавыпавший снег под золотистой солнечной пылью. Ли́ра подумала о человеке, который когда – то высадил эти деревья. С какой любовью он ухаживал за ними, заботливо подсыпал мраморную крошку, белил стволы, забирал умершие растения и высаживал новые. И конечно он относился к тому племени открытых душ, которые знают много того, что необходимо знать для счастья. Интересно, кем был этот садовник, которому удалось создать чудо, маленький кусочек сказки, взрастив эти деревья. А если его не стало, то нашлись последователи, которые продолжили его дело.

Так, размышляя, Ли́ра забрела в самую чащу, где белая дорожка разделилась на три направления, и они, извиваясь, терялись между густой травой. Она остановилась на этом перекрестке, и закрыв глаза просто слушала звуки, ловила кожей прикосновения ветра и солнца, и ни одна мысль не тревожила ей сердце. И в это благостное созерцание звуков и ощущений, в воскресшую и долгожданную тишину медленно вплеталась шероховатая тяжесть шагов. Ли́ра открыла глаза и обернувшись, остолбенела. По тропе, которой она пришла сюда, приближался великолепный конь, в ореоле бриллиантовой пыли, облитый серебряным сиянием, в котором, как в коконе, матово блестела словно вылитая из обсидиана фигура. Его волнистые грива и хвост свисали до земли, мерно покачиваясь в такт царственной поступи. Ли́ра затаила дыха-

ние и немного попятилась, не в силах вынести оглушающий восторг от созерцания момента. Сейчас сказка для нее наполнилась смыслом и стала историей воплощения Замысла.

Косые лучи солнца рисовали на блестящем бархате его головы причудливые узоры, и в мягком их свете, вспыхивали ночью тьмой, темные сапфиры его глаз. И Лира, прильнув щекой к его точеной голове, едва различала крупный зрачок, который почти сливался с цветом радужки, необычного для лошади оттенка. То был ее любимый цвет, с трепетом хранимый любящим сердцем, цвет летнего ночного неба, в котором отражаются рассеянные звезды. Лира зажмурила глаза, боясь поверить в реальность увиденного. Одной рукой обнимая голову коня, другой собрала тяжелую охапку смоляной гривы, и погрузившись в нее лицом, вдыхала запах хвои, перемешанный с тонкими ароматами весеннего леса. “Что же нужно тебе еще?” – спрашивала Лира саму себя, и от того вопроса распростерлась на всю ее душу сладостная боль, дивное щемящее чувство, созданное из двух начал, древних как сам свет – счастье обретения любви и горечь ее потери. Словно рождение и смерть встретились в ней, как два пенных вала, чтобы проникнуть друг в друга и отхлынуть назад. Одна противоположность чувства, набравшая запредельную инерцию, соединяясь с другой противоположностью, неизменно произведет абсолют, субстанцию, которая будет содержать самое сильное устремление души, увеличенное стократно. В этот момент Лира благодарил Творца, когда из встречи двух начал родилась вспышка. Тогда словно прозревший слепец, она ощутила великую силу любви Бога и часть его сути в своей душе. На минуту маятник остановился, пространство и время замерли, когда душа ее всматривалась в сапфировую бездну глаз коня. Восприятие реальности стало меняться, и когда вместо привычной красоты животного медленно стала проявляться другая фигура, а под руками почти ощущался прохладой шелк, разум поднял бунт. Лира тихонько вскрикнула и встрепенувшись, едва не упала. Вокруг все было по – прежнему, только безупречная белизна каменной крошки слепила ей глаза. Вытирая слезы, она обессилено опустила на колени, а конь мягкими губами шевелил ее рассыпанные по плечам волосы, рыжие и длинные, как у тициановской Марии Магдалены.

Прекрасен призрак счастья, прекрасны мечты о нем и, возможно, кажущаяся недоступность и делает его таким притягательным, страстно влекущим, занимающим все мысли и сердце. Но вот оно, предстает неожиданно перед созерцающим мечты, во всей своей полноте, во плоти и блеске, воплощенной в действительность грезой. И что же делает душа, так долго и мучительно ожидавшая этого благословенного момента? Она сворачивается клубочком и трепещет от страха перед своей ожившей мечтой, а разум все твердит о невозможности и не верит в чудо. И потом душа скорбит о потере, о том мимолетном шансе от которого она убежала в испуге.

Конь дотронулся губами до ее щеки, шумно вздохнул, нетерпеливо переступая. Лира тяжело поднялась с колен, и заглядывая в ночную тьму его глаз, ощутила струящуюся нежность и оседающую на душу печаль. Таинство мгновения исчезало, как сон о золотых горах, наполненный необыкновенным голосом, но мир ее все же пошатнулся, хоть немного, но освободился от неверия в возможность чуда. Конь медленно двинулся по белоснежной дорожке, а Лира смотрела ему во след, обескураженная, с чувством легкой пустоты внутри, с ощущением непринадлежности к той яви, которую сознание привыкло воспринимать. Волшебное состояние проходило, иллюзорное бытие обретало плотность и испуганные мысли стали наполнять голову. Ей казалось, что краски немного поблекли, а может стали теми же, что и были мгновенья назад, но каменная крошка лишилась снежного блеска, зелень вокруг не играла насыщенными оттенками, а солнце зашло за облако или вовсе удалилось вместе с мистическим конем. В рощице вдруг потемнело и стало холодно, и Лира захотела уйти, выбрав одну из трех дорожек.

Она стояла, опустив глаза, чувствуя смятение и усталость. Сердце звало ее следовать за красивым животным, а ноги не шли, скованные неверием, оставаясь послушными ожившему разуму. Наконец тело само выбрало путь, Лира повернула направо и вскоре вышла к открытому кафе, где и наткнулась на скучающую Викторию.

На поднятые в немом вопросе брови Виктории, Лира соврала, что заблудилась. Откуда – то появился улыбающийся Ролли и по – отечески пожурил Лиру за долгое отсутствие.

– Ролли, здесь есть фриззы? – спросила Лира.

Он наморщил лоб.

– Насколько я знаю, нет.

– И все же, я бы хотела знать точно, – мягко настаивала она.

Тогда всемогущий Роли позвал одного из служащих и задал ему тот же вопрос.

– Сэр, фриззов у нас давно уже не было и это я знаю наверняка, – сказал человек.

– Но может быть одного купили и вы не успели заметить? – не унималась Лира.

Человек широко улыбнулся.

– Я работаю здесь не один год, мэм, и всех лошадей знаю наперечет, а недавно мы приобрели лишь пятерых пони для детишек.

Ролли попросил показать новых пони и умчался снова, подружки остались вдвоем.

Лира закрыла руками пылающие щеки, ее лихорадило. Ей подали горячий кофе, а бледная Виктория дотронулась до ее виска холодной перчаткой, отчего Лира вздрогнула.

– Дорогая, с тобой все в порядке? – спросила она, проявляя признаки жизни.

Лира кивнула.

– Да, только немного замерзла, – она отпила из дымящейся кружки.

За столиком воцарилось молчание, каждый пребывал в своем персональном мире. Замороженная Виктория бесстрастно глядела на красивых грумов поверх головы подруги, которая обеими руками держала маленькую кофейную чашечку и, наклонившись, громко прихлебывала из нее. Вскоре неумолимый Ролли привел двух оседланных лошадей, пылко облобызал руку Виктории и пообещал «догнать их через мгновенье».

Дамы ехали в полной тишине. Лира, задумчивая и несколько обескураженная, пребывали в своих мыслях – ощущениях, Виктория в надменной печали опустила губы и остекленевшими глазами смотрела в никуда. Ни дать ни взять, кумушки, оставшие от похоронной процессии. Вдруг она повернулась к Лире с выдавленной, сквозь кожу, полуулыбкой.

– Лира, тебе надо завести мужчину, нельзя жить одной столько времени, – сказала она и сразу сделалась для Лир чужой, глупой и несчастливой.

Лира будто и не расслышала ее фразу, но что – то пробурчала в ответ про собственное amog fati. Виктория покачала головой и приняла королевскую позу.

– Тебя никто не заставляет выходить замуж! Я говорю просто о встречах... Дорогая моя, ты либо тихо сходишь с ума от своих книг, либо переключилась с мужчин на животных. Лира, выходи из комы, молодость не вечна!

Лира вышла из комы и в этой чопорной и сухой даме не узнавала свою подругу.

– Что это на тебя нашло, Виктор? – спросила она. – Если ты не любишь его, не будь с ним, все просто! Ты превратилась в высохшее дерево и даешь мне рецепт как стать несчастной. Зачем себя так мучить?!

Виктория остановила лошадь. Уткнувшись лицом в свои белоснежные перчатки, она разразилась потоками слез.

– Не могу, не могу! – причитала она. – Но я так устала от пустоты, от неуверенности в будущем! А он – миллионер..., из всех, кто у меня был, он хотя бы любит меня...

Лира гладила ее вздрагивающее плечо.

– Тори, не убивай себя. Твой план может провалиться, и он не даст тебе ни цента, уверена что у Ролли свора адвокатов! А ты потратишь на эту затею время и нервы, и в итоге останешься ни с чем. Если он тебе так ненавистен, лучше разорви отношения, пока не поздно. Его тоже стоит пожалеть, он влюблен, это видно, а ты играешь его чувствами сейчас и станешь ненавидеть его потом.

Виктория перестала плакать, только всхлипывала и промакивала поплывший мейкапполой своего английского пиджака. Скорбное выражение лица даже шло ей.

– И снова будет все как прежде, – заикаясь выдавила она. – Опять эти вечные поиски... Она отчаянно зарыдала.

– Что ты хочешь найти, Виктор? – задала вопрос Лира. – Деньги, мужа, жену, что? Ты хоть когда – нибудь спрашивала себя, что ты ищешь?

Виктория, опухшая и растерянная, уставилась на Лиру испуганными глазами.

– Я хочу быть уверенной в завтрашнем дне, – тихо и заученно произнесла она. – А для этого мне нужны деньги.

Лира мотнула головой и нехорошо усмехнулась.

– Тори, завтрашний день тебе никто не гарантирует, потому что он может просто не наступить.

Она смотрела в большие васильковые глаза своей подруги или друга, сестры или брата, и видела там только страх загнанного в угол зверя, животный ужас и тоску перед смирением с неизбежной гибелью.

– Тори, мы можем не дождаться завтра в сегодняшнем дне. Не пропускай настоящее мимо себя, ни одной секунды, потому что из мгновений настоящего склеивается мостик в будущее. Но в любом случае, как бы мы не хотели этого, однажды нам придется наше будущее потерять.

– Почему ты так говоришь? – почти шепотом произнесла Виктория.

– Потому что рано или поздно мы умрем и взамен получим иное бытие.

Лира улыбнулась глядя ей в глаза, тепло, от сердца. Замороженная маска сошла с лица ее подруги и она вдруг засмеялась тихо, а потом все громче и громче.

– Когда я умру, мне не нужны будут деньги, бриллианты и наряды! – сквозь смех воскликнула Виктория.

– Нет! – ответила Лира, которая тоже начала поддаваться истерическому хохоту Виктории.

– И мне не нужен будет никакой дом?! – смеялась Тори.

– Дом?! Он будет у тебя, продолговатый, уютный, подбитый белым атласом!

Она поняла намек Лиры и закатилась с новой силой, а Лира пришпорив коня, рванула с места догонять ветер, а сзади сквозь взрывы смеха слышала вопли своей ветреной подруги: “Лира, не оставляй меня!”

Часть вторая

Надежда

I

Портрет – загадка, образ тени Всевышнего, висел в ее спальне перед кроватью, а над изголовьем матово белело распятое. Засыпая, Лира смотрела в темные пятна глаз, сложная мозаика из усталости и отчаяния. Скоро Лире приснился сон, где золотые горы в лучах заходящего солнца, сыпали брызгами нереального света. Потом солнце медленно садилось, восходила большая Луна, звезды рассеянно мерцали крупными бриллиантами, а мягкая синева неба казалась бархатным занавесом над преобразенными горами, которые слабо светились сереб-

ром, и приобретали очертания гигантских овальных зеркал, разделенных посередине черной лентой. Лира заворуженно глядела на это великолепиие, прохлада оевала ее тело, умиротворение жило в душе. Тогда пространство наполнял голос, низкий и тяжелый, с непривычной нежностью что – то рассказывал ей. Лира не могла четко разобрать слов, ее завораживал тембр и звук, необычайно сильная, но сдержанная до мягкости энергия, которая проникала в самые дальние уголки ее души, и когда тело начинало вибрировать, казалось, что она стоит в центре самого голоса, как в центре вселенской любви. Лишь в интонации ей слышалась печаль, он говорил так, как может грустить только Бог. Голос звучал медленнее и умолкал совсем. Лира погружалась в тишину волшебного пространства. Душа ее вспыхивала восторгом, в котором подтекстом таилось нетерпеливое предчувствие долгожданной встречи с чем – то необыкновенным, неким таинственным событием, которое выстроит ту самую *Via Regia* к подножию уснувших гор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.